

Т. В. Ермакова

Документы по деятельности акад. Ф. И. Щербатского 1920-х — начала 1930-х гг.

Научно-организационная деятельность главы санкт-петербургской буддологической школы акад. Ф. И. Щербатского в 1920-х—1930-х гг. остается вплоть до настоящего времени очень слабо изученной в аспекте ее связи с досоветским периодом развития его идей и планов. Настоящее сообщение предваряет публикацию ряда архивных документов, проливающих свет на попытки Ф. И. Щербатского, его коллег и учеников адаптироваться в условиях радикальной смены ориентиров отечественного востоковедения, целенаправленно переключавшегося на исследование социально-экономических формаций, проблем новой и новейшей истории стран Азии, живых восточных языков.

Зададимся вопросом — с каким научным багажом вошел Ф. И. Щербатский в этот нелегкий этап своей профессиональной биографии? Член-корреспондент РАН с 1910 г., он 22 сентября 1918 г. был выдвинут в ординарные академики по литературе и истории азиатских народов на Общем собрании Российской академии наук. По принятой процедуре авторитетные специалисты подготовили «Записку об ученых трудах профессора Федора Ипполитовича Щербатского»¹. Очерк его научного вклада содержал такие существенные аспекты, как разработка теории перевода индийских философских текстов, исследование концепций науки логики и эпистемологии, зафиксированных в буддийских раннесредневековых трактатах, выявление историко-культурной преемственности центральноазиатской (тибетской) формы буддизма относительно южноазиатской — индийской, запечатленной в санскритских текстах. В очерке отмечались также результаты научных командировок Ф. И. Щербатского в Индию и Монголию, в ходе которых ученый работал над исследованием письменных памятников в непосредственном контакте с носителями традиции, выверяя семантику понятийно-терминологического аппарата и глубоко изучая его генезис.

Авторами очерка подчеркивалась также значительная роль Ф. И. Щербатского в развитии деятельности международной научно-издательской серии «*Bibliotheca Buddhica*», где публиковались письменные памятники буддизма.

Таким образом, ко времени избрания в действительные члены Российской академии наук Ф. И. Щербатский, как можно судить, находился в расцвете своей научной деятельности и на пике профессиональных возможностей. Однако ситуация, в которой предстояло разворачивать изучение буддийского письменного наследия после 1917 г., оказалась принципиально иной, нежели в предшествовавшие десятилетия. Организация масштабных зарубежных экспедиций в

¹ См.: Ольденбург С. Ф., Коковцов П. К., Марр Н. Я., Бартольд В. В. Записка об ученых трудах профессора Ф. И. Щербатского // ИРАН. Сер. 6, № 16. Пг., 1918, с. 1712–1722.

Центральную Азию, принесших в 1900—1910-х гг. славу российской науке, была уже в прошлом. Первая мировая война и Октябрьская революция в России значительно нарушили прежние международные научные связи. А поэтому вопрос о возобновлении участия российских ученых в интеллектуальной жизни мирового буддологического сообщества оставался открытым.

Из переписки с С. Ф. Ольденбургом в начале 1920-х гг. явствует, что в тот период Ф. И. Щербатского особенно волновала судьба серии “*Bibliotheca Buddhica*”. В письмах он неоднократно просил Ольденбурга обеспечить распространение опубликованных томов среди ведущих буддологов Европы, выказывал обеспокоенность дальнейшей перспективой этого научно-издательского проекта и российскими приоритетами, упоминая о том, что в Европе у отечественных буддологов есть «конкуренты» в лице Т. Рис-Дэвидса и Л. де ла Валле Пуссена². Более того, Щербатской рекомендует С. Ф. Ольденбургу учредить специальную организационную инстанцию, ответственную за продолжение серийных буддологических изданий, которые могли бы публиковаться за рубежом³.

Замысел издавать последующие тома “*Bibliotheca Buddhica*” за границей высказывался Щербатским и в дальнейшем. Отметим, что подобная идея не противоречила международному статусу серии, в которой на российскую сторону возлагались задачи планирования публикаций и организации издательской базы.

Установка Ф. И. Щербатского как организатора науки на активное присутствие отечественной буддологии в международном научном сообществе реализовывалась им и в раннесоветский период, когда он продолжал в контакте с западноевропейскими и японскими учеными работать над международным проектом исследования трактата «Энциклопедия буддийской канонической философии» («Абхидхармакоши») Васубандху, который был известен в то время только в тибетском, двух китайских переводах и неполной уйгурской версии.

Однако буддология в тот период начала стремительно развиваться в странах Азии — не только в Японии, но и в Индии и Непале. Ф. И. Щербатской страстно желал, чтобы именно отечественная научная школа, имевшая тесные связи с азиатскими учеными, выступила в авангарде этого развития. Сохранение серии “*Bibliotheca Buddhica*” могло сыграть в этом направлении ключевую роль.

В 1920-х гг., когда перспектива продолжения серии “*Bibliotheca Buddhica*”, как явствует из писем Щербатского Ольденбургу, начала казаться проблематичной, он предпринял поиск той организационной формы («комиссариата», говоря словами Щербатского), которая позволила бы сохранить этот приоритетный научно-издательский проект.

² См.: Переписка Ф. И. Щербатского и С. Ф. Ольденбурга // Вигасин А. А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008.

³ См.: там же, с. 392.

Такой новой формой и предстояло сделаться Институту буддийской культуры — новому специализированному буддологическому учреждению АН СССР.

Необходимость создания монопрофильного научно-исследовательского института для изучения буддизма была обоснована в «Объяснительной записке к проекту учреждения при Академии наук СССР Института изучения буддийской культуры», подготовленной С. Ф. Ольденбургом, Ф. И. Щербатским и его учеником М. И. Тубьянским⁴. Документ в краткой форме суммировал концептуальные идеи Щербатского — признание определяющей роли буддизма в формировании культурного ареала Центральной Азии и Дальнего Востока, необходимость изучения письменных источников наряду с живой буддийской традицией. А кроме того в нем содержался краткий очерк истории европейской и российской буддологии и говорилось о «*Bibliotheca Buddhica*» как международном проекте.

Авторы «Объяснительной записки» подчеркивали тем самым необходимость сохранения отечественных приоритетов в новых историко-культурных условиях, когда в странах Востока начала зарождаться буддология как отрасль научного знания. «Для сохранения, укрепления и расширения достигнутых позиций, для сохранения за советской буддологией руководящей роли, — говорилось в документе, — необходимо объединение ее сил и ресурсов в виде научного учреждения, имеющего целью более строгую, систематическую организацию ее работы и установление и развитие связи с современной буддологической работой на Востоке»⁵.

Образование Института буддийской культуры (далее — ИНБУК) как самостоятельного учреждения в составе АН СССР соответствовало выявленной С. Ф. Ольденбургом в ходе зарубежных поездок тенденции к формированию специализированных научно-исследовательских учреждений в ведущих западно-европейских странах. В качестве кандидата на пост руководителя ИНБУКА Ольденбург видел только одну фигуру — Щербатского как лидера отечественной буддологической школы.

Название «Институт буддийской культуры» было призвано подчеркнуть, что деятельность нового академического учреждения будет направлена в первую очередь на изучение историко-культурных процессов в странах Южной, Центральной, Восточной Азии и Дальнего Востока, остро интересовавших политическое руководство СССР. Под такой вывеской, как казалось Ф. И. Щербатскому и С. Ф. Ольденбургу, можно было бы беспрепятственно налаживать международные связи с учеными-буддологами из западноевропейских и азиатских стран.

Учреждение ИНБУКА состоялось 13 марта 1928 г., о чем Ф. И. Щербатский сделал сообщение на заседании Отделения гуманитарных наук (так называемого 2-го отделения АН СССР) 4 апреля 1928 г. Об этом в «Известиях АН СССР» говорилось следующее: «Ф. И. Щербатский доложил об утверждении Советом

⁴ См.: Ольденбург С. Ф., Щербатский Ф. И., Тубьянский М. И. Институт изучения буддийской культуры // Известия АН СССР. 1927. Сер. VI. Т. XXI. № 18. С. 1701–1704.

⁵ Там же, с. 1704.

Народных Комиссаров в составе Академических учреждений Института по изучению Буддийской Культуры и о желательности принять меры к началу организационных работ Института. Положено просить Ф. И. Щербатского взять на себя временно исполнение обязанностей Директора Института и просить войти в состав Института академиков: С. Ф. Ольденбурга, Н. Я. Марра, В. В. Бартольда, члена-корреспондента АН Б. Я. Владимирцова и старшего ученого хранителя АМ В. М. Алексеева»⁶.

Через девять месяцев, 12 декабря 1928 г., был утвержден состав ученого совета вновь созданного института. В «Известиях АН СССР» сообщалось: «Директор ИНБУК представил на утверждение ОГН (Отделения гуманитарных наук — Т. Е.) следующий список лиц, предлагаемых ИНБУК в члены его Совета: от СССР — С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, В. М. Алексеев, Б. Я. Владимирцов, Ф. А. Розенберг, П. И. Воробьев, Н. И. Конрад, Ю. К. Щуцкий, Н. Н. Поппе, Б. Б. Барадийн. Из иностранных ученых: Н. Luders, M. Walleser (Германия), S. Levi, P. Pelliot (Франция), Tai-hsui (Китай), А. Доржиев (Тибет), И. Wogihara (Япония), Ц. Жамцарано (Монголия). Положено утвердить»⁷.

Необходимо сказать несколько слов о персональном составе ученого совета, утвержденном по представлению Ф. И. Щербатского. В его российскую часть вошли авторитетные исследователи, хорошо известные международному научному сообществу и поддерживавшие личные научные связи с зарубежными учеными, и научная молодежь (например, ученик В. М. Алексеева Ю. К. Щуцкий).

Б. Барадийн и Ц. Жамцарано, этнические буряты, специалисты по буддийской культуре Центральной Азии, получившие образование в Санкт-Петербурге и хорошо известные Ф. И. Щербатскому, представляли в ученом совете ИНБУКа буддологическую молодежь Востока. При этом введение Б. Барадийна в состав совета обуславливалось не только его предшествующим опытом экспедиционной работы в Тибете, но и его официальным статусом председателя Ученого комитета Бурят-Монгольской АССР (1923—1929)⁸.

Маньчжурист П. И. Воробьев во время образования ИНБУКа был директором Русского музея, в котором в тот период функционировал отдел этнографии Дальнего Востока и хранились буддийские коллекции.

Большинство российских членов ученого совета ИНБУКа было связано с Ф. И. Щербатским совместной преподавательской деятельностью в Ленинградском институте живых восточных языков (далее — ЛИЖВЯ). В период, предшествующий образованию ИНБУКа, в этом новом учебном заведении трудились

⁶ Известия АН СССР. Сер. VII. № 8—10. 1929. Л., 1929, с. 518.

⁷ Там же, с. 572.

⁸ См.: Автобиография Барадийна Бадзара Барадиевича / Orient. Альманах. Вып. 1. СПб., 1992, с. 117.

⁹ См.: Справочные сведения по Ленинградскому Институту живых восточных языков за 1924—1925 учебный год. Л., 1925, с. 89—92.

В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов, В. М. Алексеев, П. И. Воробьев, Н. И. Конрад, Н. Н. Поппе, Ю. К. Шуцкий, С. Ф. Ольденбург⁹.

Следует подчеркнуть, что Ф. И. Щербатской вовсе не являлся наивным и неопытным в вопросах политики. Продвигая в ученый совет ИНБУКа П. И. Воробьева, члена Ленсовета, он надеялся тем самым придать вид определенной политической респектабельности новому институту в глазах властей. В то время к академическим учреждениям прикреплялись члены Ленсовета для усиления контроля за деятельностью АН СССР. Как свидетельствует официальное письмо и. о. Непременного секретаря АН СССР В. Л. Комарова от 30 ноября 1929 г.¹⁰, именно П. И. Воробьев и был назначен на эту роль в ИНБУКе.

Иностранные члены ученого совета ИНБУКа представляли в нем ведущие школы европейской и японской буддологии. Все они получили статусы иностранных действительных членов или членов-корреспондентов АН СССР, чему способствовало проведенное на международном уровне празднование 200-летия Академии в сентябре 1925 г.

Каждый из них внес свой вклад в развитие связей с советской наукой. Так, Г. Людерс, Секретарь Прусской академии наук, член-корреспондент РАН (1924 г.), участвовал в составе германской делегации в переговорах с представителями советской власти и руководством АН СССР о координации деятельности советской и немецкой науки в составе немецкой делегации. Он также участвовал с немецкой стороны в проведении «Недели советских ученых в Берлине», посетил в составе германской делегации празднование 200-летнего юбилея РАН¹¹.

С. Леви, член-корреспондент РАН (1918 г.), член Французской академии, выступал с инициативой создания Дома французских ученых в Ленинграде — аналога учреждений, функционировавших в Лондоне, Мадриде, Риме. Совместно с П. Пельо он также внес предложение об организации Международного комитета по изучению Средней Азии; входил в инициативную группу по созданию Французского комитета научных связей с Россией¹².

Ц. Жамцарано, пребывавший в конце 1920-х гг. в статусе председателя Ученого комитета Монголии (пробораз Монгольской академии наук), активно содействовал экспедиционной работе советских ученых на территории этой дружественной СССР центральноазиатской страны¹³.

М. Валлезер, член-корреспондент РАН, иностранный действительный член АН СССР (1929), был связан с Ф. И. Щербатским многолетними научными контактами. Он руководил научно-издательской серией “Materialien zur Kunde des Buddhismus”, в которой при содействии Ф. И. Щербатского была в 1924 г. опубликована в переводе на немецкий язык монография О. О. Розенберга «Пробле-

¹⁰ См.: СПбФ АРАН, ф. 152, оп. 5, ед. хр. 2, л. 99.

¹¹ См.: Международные научные связи АН СССР 1917–1941 гг. М., 1992, с. 229, 240, 302.

¹² См.: там же, с. 230–233.

¹³ См.: там же, с. 202, 206.

мы буддийской философии», а позднее вышел в свет первый перевод на европейский язык произведений буддийского мыслителя Тибета Будона Ринчендуба, выполненный Е. Е. Обермиллером. Валлезер также организовал в Гейдельберге в 1926 г. Общество содействия изучению буддизма, в совет которого был включен Ф. И. Щербатской.

Что касается Агвана Доржиева, Хамбо-ламы буддистов Восточной Сибири и дипломатического представителя Далай-ламы XIII в СССР¹⁴, то его контакты со Щербатским имели к тому времени давнюю историю. В научном аспекте Доржиев содействовал экспедиционной деятельности ленинградских буддологов в Бурят-Монгольской АССР.

Большинство иностранных членов ученого совета ИНБУКа публиковались в "Bibliotheca Buddhica". Их сотрудничество с ИНБУКом должно было стать новой формой международной кооперации в области издания буддийских письменных памятников.

Одновременно с утверждением состава совета ИНБУКа Отделение гуманитарных наук разослало представленный проект Устава ИНБУКа, с тем чтобы рассмотреть его в ближайшем заседании¹⁵.

В делопроизводственных документах сохранились выписки из протоколов заседаний Отделения гуманитарных наук и Президиума АН СССР, позволяющие установить хронологию прохождения Устава ИНБУКа. Проект этого документа представлял академик-секретарь отделения И. Ю. Крачковский 23 января 1929 г. Была сформирована комиссия в составе акад. С. Ф. Ольденбурга, И. Ю. Крачковского, Ф. И. Щербатского, В. М. Алексеева. После утверждения на Отделении гуманитарных наук Устав был ратифицирован Президиумом 15 мая 1929 г.¹⁶

Устав ИНБУКа по сути дела представлял собой программу развертывания комплексных буддологических исследований. Наиболее тесно связанными с предшествующими направлениями деятельности Ф. И. Щербатского являлись такие пункты этого документа, как «издание текстов, переводов и исследований», «экспедиционные исследования», установление научных связей с аналогичными по задачам зарубежными центрами, пополнение фондов рукописей и старопечатных изданий Азиатского музея АН СССР.

Одной из уставных задач ИНБУКа было изучение «отдельных отраслей знания, входящих в состав буддийской культуры или развивавшихся под ее влиянием». Ф. И. Щербатской в первую очередь имел в виду тибетскую медицину, о чем свидетельствуют последующие служебные записки и настойчивые просьбы о расширении штата ИНБУКа именно в данном направлении. Несомненный интерес представляет разграничение «научного» и «религиозного» аспектов буддизма

¹⁴ Подробнее см.: Андреев А. И. Тибет в политике советской и постсоветской России. СПб., 2006, с. 281 и далее.

¹⁵ См.: СПбФ АРАН, ф. 152, оп. 5, ед. хр. 1, л. 21.

¹⁶ См.: СПбФ АРАН, ф. 152, оп. 5, ед. хр. 2, лл. 4–6, 42.

в концептуальной части служебных записок по этому вопросу. По всей вероятности, Ф. И. Щербатской и его коллеги, учитывавшие развернутую в СССР борьбу с религией, стремились акцентировать свой исследовательский интерес к традиционной системе знаний, представленной в буддийском письменном наследии.

Экспедиционные поездки, планируемые в соответствии с Уставом, также имели предысторию в дореволюционной деятельности Ф. И. Щербатского, который вместе с С. Ф. Ольденбургом участвовал в подготовке и разработке маршрутов путешествий Г. Ц. Цыбикова и Б. Б. Барадийна в Тибет. Обе эти тибетские экспедиции имели преимущественно ознакомительный характер, а добыча рукописей и ксилографов являлась лишь одним из аспектов их задач. В рамках Устава ИНБУКа научные поездки в Центральную Азию планировались именно с целью сбора рукописей.

Объяснительная записка относительно планирования экспедиций была, судя по дате, составлена после ликвидации ИНБУКа, когда ученики Ф. И. Щербатского и он сам уже являлись сотрудниками Индо-тибетского кабинета в составе Института востоковедения АН СССР. Полагаю, что составителем документа выступил А. И. Востриков. Такое предположение основано на сопоставлении текста данного документа с докладом А. И. Вострикова «Дацаны в Бурят-Монголии»¹⁷ (1932).

Публикуемые ниже документы отчетливо демонстрируют, что стратегия Ф. И. Щербатского как организатора буддологических исследований в 1920—1930-х гг. была подчинена его стремлению продолжить начатую в 1900-х гг. работу по вводу в научный оборот памятников буддийской мыслительной традиции. В новых социально-экономических и политических условиях, когда все труднее и труднее становилось сохранять тематику классического востоковедения, он попытался создать новые организационные формы, позволявшие санкт-петербургской (ленинградской) буддологической школе продолжить свою научно-исследовательскую деятельность в структуре АН СССР.

Устав Института буддийской культуры¹⁸

Постановление СНК СССР «О составе научных учреждений АН СССР»
от 13 марта 1928 года (протокол СНК № 254, л. 17 —
утвержден Институт Буддийской Культуры)

1. Цели и задачи Института

§ 1. Институт Буддийской Культуры ставит себе целью всестороннее изучение Буддийской культуры и ее форм, как в процессе их исторического развития, так и в современном состоянии, в различных странах и среди различных народностей.

¹⁷ См.: СПбФ АРАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 252, л. 41 и далее.

¹⁸ СПбФ АРАН, ф. 152, оп. 5, ед. хр. 1, лл. 22—25.

§ 2. Для осуществления этой цели Институт Буддийской Культуры предпринимает:

1. Собираание материалов для составления: а) многоязычного словаря Буддийской терминологии; б) истории Буддийской литературы; в) истории Буддийского искусства; г) истории буддизма и д) Библиографии как восточных сочинений, так и европейских по вопросам буддийской культуры, а равно и издания этих материалов.

2. Изучение отдельных отраслей знания, входящих в состав буддийской культуры или развившихся под ее влиянием.

3. Собираание и издание материалов для Энциклопедии буддийской культуры, охватывающей все многообразие ее форм.

4. Изучение обширной многоязычной литературы, созданной буддийской культурой, и издание текстов, переводов и исследований.

5. Экспедиционные исследования в странах, находившихся под влиянием буддийской культуры, для изучения литературы, местной литературной и научной традиции, языка и материальных и бытовых форм, а равно и для разыскания и собирания памятников литературы и материальной культуры.

6. Выпуск «Ежегодника Института буддийской культуры», являющегося печатным органом Института, освещающим текущую работу Института и включающим в себя статьи, обзоры и заметки по вопросам буддийской культуры как сотрудников Института, так и других ученых, работающих в этой области.

7. Установление теснейшей научной связи с учеными организациями и лицами, занимающимися изучением буддийской культуры как в пределах Союза ССР, так и за границей. Особое внимание Институт уделяет установлению научной связи с соответствующими организациями и лицами стран Востока.

8. Созыв на территории Союза ССР научных конгрессов, съездов и т. под., лиц, занимающихся изучением буддийской культуры как в СССР, так и за границей, устройство выставок, публичных заседаний и лекций, а равно и участия в соответствующих конференциях, съездах и на выставках, устраиваемых союзными или иностранными учеными организациями.

9. Содействие пополнению фонда Азиатского музея Академии наук буддийской литературой и сочинениями по вопросам буддийской культуры восточных и европейских авторов.

10. Создание подсобной рабочей библиотеки восточных и европейских сочинений по специальности в самом институте.

II. Структура института

§ 3. Институт буддийской культуры входит в состав научных учреждений АН и находится в ведении Отделения Гуманитарных наук.

§ 4. Институт имеет свой научный и технический персонал по штату, утвержденному на общих основаниях.

§ 5. В целях всестороннего охвата всего многообразия форм буддийской культуры в разные времена и в разных странах с различным этническим составом,

Институт буддийской культуры подразделяется на секции числом не менее четырех: Секция Индии, Секция Тибета, Секция Монголии и Секция Китая и Японии.

Примечание: Институт может в дальнейшем его развитии ходатайствовать перед Академией наук об увеличении числа секций.

§ 6. Главное руководство и управление Институтом буддийской культуры вверяется Директору его, избираемому на три года Отделением Гуманитарных наук из числа действительных членов Академии Наук СССР по соответствующей специальности и утвержденному Общим собранием АН СССР.

§ 7. Заведывание секциями Института буддийской культуры поручается ученым секретарям секций, утверждаемым Президиумом Академии наук из числа ученых специалистов по представлению Директора, с последующим докладом Отделению Гуманитарных наук.

Примечание: количество ученых секретарей равно числу секций Института и возрастает вместе с увеличением числа последних, но во всяком случае не должно быть менее четырех (см. § 5 и примеч. к нему).

§ 8. Управление делами Института буддийской культуры и руководство делопроизводством отдельных секций возлагается на одного из ученых секретарей секций, утверждаемого по представлению Директора Президиумом Академии Наук с последующим докладом Отделению Гуманитарных наук, и имеющего все права и обязанности Ученого Секретаря для Института в целом.

Примечание: В дальнейшем Институт оставляет за собой право ходатайствовать о предоставлении ему особого сотрудника для выполнения указанных функций.

§ 9. В виде совещательного органа при Директоре Института буддийской культуры состоит Ученый совет Института. Председателем Совета является Директор, Секретарем — ученый секретарь, управляющий делами Института.

§ 10. Члены Совета Института в количестве 24 человек избираются Отделением Гуманитарных наук из числа ученых специалистов по представлению Директора. При этом 12 человек избираются из числа ученых Союза ССР и 12 из числа европейских и восточных ученых. Члены Совета содержания по Институту не получают.

Примечание 1. Число членов Совета может быть увеличено.

Примечание 2. В состав Совета входят Ученые Секретари секций по должности.

§ 11. Заседания Совета происходят не реже одного раза в 2 месяца.

§ 12. Для успешного выполнения принятых на себя задач, а также и для более тесной связи с Востоком Институт Буддийской культуры имеет штатных научных сотрудников из числа специалистов Восточных стран, каковые сотрудники утверждаются Президиумом Академии наук по представлению Директора Института с последующим докладом Отделению Гуманитарных наук.

§ 13. Главной библиотекой Института является фонд Азиатского музея Академии наук. Ввиду этого ученые секретари его секций имеют право на доступ и работу в АМ наравне с сотрудниками последнего.

§ 14. Институт Буддийской культуры имеет свою печать на общих основаниях.

Директор
Ученый секретарь

[Служебная записка о необходимости расширения штатов ИНБУКа]
15 апреля 1929 г. № 25

В управление делами АН¹⁹

Приступая с 1929/30 года по настойчивым просьбам НКЗ Бурят-Монгольской АССР, Медклиники Саратовского ГУ и других общественных и ученых организаций к планомерному и всестороннему изучению, интерпретации и переводу естественно-научной и медицинской литературы, входящей в состав буддийской культуры, ИНБУК находит категорически необходимым увеличение штата его с 1929/30 г. на трех штатных научных сотрудников:

1) научного сотрудника I разряда из числа молодых ученых-востоковедов для работы специально в области изучения и перевода обширной медицинской литературы;

2) научного сотрудника I разряда из числа молодых ученых-востоковедов для работы специально в области изучения и перевода богатой естественно-научной литературы;

3) научного сотрудника II разряда из числа представителей буддийской науки (тибетской, бурято-монгольской) специально для интерпретации указанных литератур ввиду их полной неизученности.

Инбук настаивает на категорической необходимости указанного расширения штата, отмечая как специальный характер указанных работ, требующий особого напряжения и особой квалификации, так и полную загруженность наличного персонала ИНБУК. Вместе с тем ИНБУК обращает особое внимание на необходимость срочного осуществления указанных мероприятий ввиду их высокого научного значения и особого актуального практического интереса, который имеет их изучение для Бурято-Монголии, Калмыцкой области и Монголии.

Директор
Ученый секретарь
[автограф Вострикова(?)]

¹⁹ СПбФ АРАН, Ф. 152, оп. 5, ед. хр. 2, л. 32.

22 апреля 1929

Об организации планомерного изучения естественно-научной и медицинской литературы, входящей в состав буддийской культуры²⁰

Институт буддийской культуры, ставя своей целью всестороннее и планомерное исследование всего многообразия форм буддийской культуры, как в процессе их исторического развития, так и в современном состоянии, и обращая при этом главное внимание свое на ее богатую и разнообразную литературу, никоим образом не может игнорировать высокозамечательную научную литературу, принадлежащую этой культуре.

Буддизм, представляющий крайне своеобразное сочетание позитивной и атеистической философии с магическим религиозным культом, признавал почти на всем протяжении своей истории главнейшим средством избавления мира от зла и несчастий — позитивную и критическую науку, не знающую догмы и суеверий, отводя собственно религиозному культу место сверхъестественного магического акта, не допускаемого наукой, но признаваемого верой. Это особое предпочтительное отношение буддизма к науке, готовое всякую науку, о чем бы она ни трактовала, рассматривать как священное писание, а ее изучение как высокую добродетель, придает, с одной стороны, наукологический характер всей буддийской литературе вообще, а с другой — включает в ее состав сполна всю специальную научную литературу, которая до сих пор изучается и развивается в высших буддийских школах — дацанах.

Игнорировать эту огромную отрасль буддийской культуры невозможно, тем более, что вся остальная литература буддизма так или иначе с ней связана.

Далее. Специальная научная литература буддизма — естественнонаучная и особенно медицинская, вызывает сама по себе высокий научный интерес, который непрерывно возрастает.

Институт буддийской культуры получил запрос от НКЗ БурМонг. АССР, от мед. клиники Саратовского гос. университета и др. о необходимости институту организовать теперь же планомерное и всестороннее исследование естественно-научной и медицинской литературы буддизма. Не меньший интерес питают к этому и западные ученые, поставленные по сравнению с нами в значительно худшие условия со стороны материала. Наконец, изучение так называемой тибетской (собственно, все-буддийской) медицинской литературы представляет насущнейший интерес для всей Бурят-Монголии, Калмыцкой области, а равно и для Монгольской народной республики, для всех их научных и общественных организаций и для частных лиц, до сих пор пользующихся средствами этой медицины.

Между тем естественно-научная литература и медицинская литература буддизма представляют огромную область, как по обилию и разнородности материалов, так и по их многоязычию. Ибо литература эта имеет вековую историю, и, развиваясь и распространяясь с развитием буддизма, имеется на всех главных

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 152, оп. 5, ед. хр. 2, л. 39.

языках этой культуры. Ввиду этого никакое изучение этой специальной литературы отдельными учеными, как это и показал горький опыт, не ведет ни к какой цели, превращаясь в выхватывание отдельных аморфных кусков из обширной и многоязычной литературной традиции. Необходимы соединенные усилия коллектива работников для того, чтобы осуществить, наконец, давно назревшее и актуально необходимое изучение богатейшей специальной научной литературы буддизма.

Работа эта вызывает к себе столь высокий интерес среди ученых всего мира, что Институт буддийской культуры нимало не сомневается в том, что в деле интерпретации естественно-научных и медицинских произведений он получит всемирную поддержку и содействие целого ряда ученых учреждений и даже имеет в этом отношении уже готовые предложения.

Итак, учитывая:

1. Крайнюю необходимость и своевременность организации планомерного и систематического изучения обширной и многоязычной естественно-научной и медицинской литературы, входящей в состав буддийской культуры;
2. Невозможность проведения этого изучения отдельными лицами и, тем более, не востоковедами и
3. Собственную заинтересованность в этом изучении в связи с поставленной задачей полного охвата всего многообразия форм буддийской культуры и практическую возможность поставить в институте буддийской культуры изучение и интерпретацию этой литературы, опираясь на содействие соответствующих естественнаучных учреждений,

Институт буддийской культуры находит нужным немедленно приступить к осуществлению указанной работы и усиленно ходатайствует о предоставлении ему в связи с этим с начала 1929/1930 бюджетного года 3-х штатных научных сотрудников дополнительно.

Именно:

1) Двух научных сотрудников I разряда из числа молодых советских востоковедов с распределением между ними ближайшего ведения работ по естествознанию и медицинской литературе соответственно, при общем и постоянном содействии всего научного персонала Института.

2) Одного научного сотрудника II разряда из числа ученых представителей буддийской специальной науки (Бурят-Монгол), наличие которого крайне необходимо в деле интерпретации сложной и часто узкоспециальной литературы.

В связи с тем, что главная масса литературы по указанным отраслям имеется на тибетском языке, указанные лица могут быть причислены к тибетской секции. Отсутствие в составе ИНБУК испрашиваемого числа сотрудников совершенно сделает невозможной всякую работу в этом направлении, работу, включенную в пятилетний план ИНБУК.

Директор акад.
Уч. секретарь

Ф. Щербатской
А. Востриков

22 апреля 1929 года

**К вопросу об организации изучения буддийской
естественно-научной и медицинской литературы в ИНБУК**²¹

В дополнение к своей записке о желательности и необходимости изучения буддийской естественнонаучной и медицинской литературы в Институте буддийской культуры и о нужном для этой цели увеличении штата ИНБУК на 2-х научных сотрудников I разряда и одного II разряда. ИНБУК считает важным отметить, что ходатайствуя о расширении штата, он опирается на действительную возможность его заполнения соответственно квалифицированными научными работниками:

Именно: 1) в качестве сотрудника, ближайшим образом разрабатывающего специальную буддийскую медицинскую литературу, имеется в виду привлечь молодого ученого монголиста и тибетаниста Н. Н. Бобынина, достаточно зарекомендовавшего себя в избранной им специальности, и, кроме того, имеющего некоторое общемедицинское образование.

2) В качестве сотрудника по изучению естественно-научной буддийской литературы ИНБУК имеет в виду привлечь молодого ученого В. И. Чернова, ученика акад. Ф. И. Щербатского. В. И. Чернов, знающий вполне тибетский язык и санскрит, специально посвятил себя делу изучения буддийской естественно-научной литературы и имеет к этому и общеевропейскую подготовку.

Наконец, 3) в качестве научного сотрудника II разряда из числа ученых специалистов буддийской науки Институту представляется богатый выбор ввиду наличия в Бур.-Монг. АССР значительного числа ученых бурято-монголов, специально занимающихся естественно-научной и медицинской литературой буддизма и имеющих высокие ученые степени тибетских высших школ. В настоящее время намечено привлечь для работ в ИНБУК известного специалиста в своей области В. Н. Очирова (Бадманжал Очирон).

Указанное наличие вполне компетентной научной силы для проведения планомерного изучения буддийской естественно-научной и медицинской литературы еще более усугубляет своевременность этого изучения.

Директор ИНБУК

Ф. Щербатской

Ученый секретарь

А. Востриков

²¹ СПбФ АРАН, ф. 152, оп. 5, ед. хр. 2, л. 40.

**Объяснительная записка по вопросу об экспедиции
в Бурято-Монголию**

для собирания и закупки рукописей и ксилографов (маш., без подписи).
Адресовано в СОПС (Совет по изучению производительных сил СССР)²²

Как показали мои работы в Б-М АССР летом 1927—30 гг., в Бурято-Монголии собрано исключительное богатство тибетских ксилографов и рукописей, завезенных туда из Тибета, Монголии и Китая, и представляющих часто огромнейшую научную ценность. Кроме того, каждый мало-мальски мощный дацан Бурято-Монголии располагает своим «Баром», т. е. коллекцией выгравированных для печати досок (ксилографур), количество которых в больших дацанах, как, например, Агинском, Цугольском и других, исчисляется многими десятками тысяч. Среди них есть доски редчайших произведений тибетской литературы. Между тем до сих пор не производилось сколько-нибудь планомерное последовательное собирание всех этих материалов. Не говоря уже о том, что вовсе не использована возможность приобретения у нас в Союзе редчайших тибетских рукописей и ксилографов заграничного происхождения, до сих пор не использована даже возможность получить оттиски ксилографов, имеющихся в дацанах Бурято-Монголии, несмотря на их сравнительно большую дешевизну. В результате — богатейшее мировое собрание тибетских ксилографов в Азиатском музее при ИВ АН почти совершенно лишено ксилографов, выпущенных в нашем Союзе, в Б-М АССР. Такое положение дела вряд ли может быть признано нормальным само по себе, но особенное внимание оно привлекает к себе сейчас, когда становится все более реальной возможностью для АН навсегда лишиться указанных научных ценностей, если в самом срочном порядке не будут приняты меры по их собиранию. Растущее разложение дацанов приводит к тому, что «бары» закрываются, материалы растаскиваются частными лицами и частично уплывают за границу. Местные органы не имеют ни времени, ни возможности взять на себя собирание и хранение материалов. Наоборот, далеко не редки случаи прямого уничтожения ценного для науки материала. Так, например, были случаи, когда поступавшие в кресткомы и низовые органы милиции в качестве выморочного имущества от лам коллекции тибетских ксилографов и рукописей просто уничтожались (сжигались). Еще чаще случаи, когда тибетские ксилографы и рукописи (печатающиеся и пишущиеся на совершенно отдельных листах) перепутывались и перемешивались до такой степени, что их немислимо было привести в порядок.

Государственный Институт культуры Б-М АССР, который пытался было взять на себя собирание этих материалов, не располагает для этого ни средствами, ни достаточно квалифицированными сотрудниками и не может даже в малой степени охватить то огромнейшее количество ценнейшего научного материала, которое рассеяно в Б-М АССР и которое в настоящее время с такой катастрофической быстротой исчезает.

²² СПбФ АРАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 178, л. 12—14.

Учитывая все это, ИВ АН уже в 1931 г. должен непременно организовать экспедицию в Б-М АССР по сбору ксилографов и рукописей, поскольку всякое откладывание поведет к потере ценнейшего научного материала.

Экспедиция мыслится в следующем виде. Срок работы — 3—4 месяца. Район: Селенгинский и Агинский Аймаки Б-М АССР.

Ориентировочная смета:

Суточные, проезд, разъезды на месте и проч.	1.000 руб.
Приобретение ксилографов и рукописей	3.000 руб.
	Всего: 4.000 руб.

Кроме того, чрезвычайно важно было бы получить из запасов Издательства или Типографии АН бумаги в листах большого печатного формата для изготовления оттисков с досок ксилографов, имеющихся в Б-М АССР. Потребуется 20—25 стоп, для того чтобы охватить хотя бы в самых основных частях колоссальные коллекции ксилографов. Бумагу надо, конечно, получить заблаговременно, — в январе или феврале месяце, чтобы успеть переправить ее малой скоростью. Наличие у экспедиции своей бумаги удешевит прежде всего стоимость ксилографов бурятского происхождения, позволив заказать их отпечатать заново и заплатить при этом только за труд и краску, что обойдется в три раза дешевле, чем покупать уже готовые ксилографы. Объясняется это тем, что за отсутствием бумаги на частном рынке ламы продают готовые ксилографы по крайне взвинченным ценам. Кроме того, при наличии бумаги упрощается и облегчается работа экспедиции по разысканию ксилографов, поскольку представляется возможность заказать ксилографы бурятского происхождения, отпечатать заново, обратив главное внимание на разыскание материалов зарубежного происхождения.

Дополнительные сведения по вопросу об экспедиции могут быть представлены, равно как и подробный маршрут, детальная смета и проч.

24 ноября 1930 г.

Список сокращений

- АМ — Азиатский музей
 АН СССР — Академия наук Союза советских социалистических республик
 Б-М АССР — Бурят-Монгольская автономная советская социалистическая республика
 ИВ АН СССР — Институт востоковедения Академии наук Союза советских социалистических республик
 ИНБУК — Институт буддийской культуры
 ИРГО — Императорское Русское географическое общество
 ЛИЖВЯ — Ленинградский институт живых восточных языков
 НКЗ — Народный комиссариат здравоохранения
 РАН — Российская академия наук
 РКИСВА — Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношениях
 СНК — Совет народных комиссаров
 СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук